

З

а прошедшие три с половиной сотни лет о Петре Великом сказано и написано в разы больше, чем о других российских государях, ведь его любое, даже микроскопическое деяние историки изучают с особым пристрастием. Скрупулезное исследование всего, что касается Петра I, породило интересную, полемичную и панорамную мозаику. Каждый кусочек этой мозаичной картины воспринимается «гигантским», общее подменяется частным, и в результате цельная личность царя дробится.

Увидеть фигуру монарха в полном объеме не просто. Да и возможно ли? Полярное «хороший-плохой» слишком категорично и разрублено на «черное» и «белое». А жизнь во все времена расцвечена акцентами и гранями, раскрашена в полутона, не поддающиеся ни логике, ни строгой классификации. Да, в петровское правление наша страна совершила мощный рывок. В какую сторону? На благо? На беду? Снова однозначно не сказать...

Возможно, тем заделом, который помогает высветить образ Петра, стал и наш воронежский узел. Но снова-таки — высветить в чем-то, ведь восприятие царя-преобразователя сегодня и восприятие его современниками совсем не одинаково. В общем абрисе сейчас это скорее клишированный и размноженный «портрет» одного из Романовых, оказавшегося близким к простому народу. Близок ли?

Условно говоря, на людях царь мог побороться с солдатом, деловито-грубовато, по-мужицки отодвинуть кузнца от горна и взяться за кувалду или, трудясь рядом с работником верфи, поощрительно похлопать того по плечу. Согласно исследованиям, а более — художественной литературе, такое поведение царя-плотника чаще ставится в его безусловную заслугу и вызывает симпатию. Но то ракурс более поздней эпохи, взгляд людей, через поколения взращенных петровским же временем.

А тогда народ отнюдь не восхищался. Как минимум — недоумевал. Наместник Бога на земле не может и не должен быть таким. Глаза же видели обратное... Душа и сердце принимали подобное в лучшем случае через раз... Стремительно рушился привычный мир. А другой — рождался? Да, и Воронеж — яркий показатель грандиозных изменений.

Край наш на стыке XVII–XVIII веков — лаборатория, полигон идей и нововведений по самым разным направлениям человеческой деятельности. Своеобразная проекция, разгон-маховик в будущее.

Воронеж хранит память о рождении российского флота, хотя мы, вопреки сложившемуся мнению, не называем себя его родиной. Таковой могут считаться и река Яуза, и прадедушка русского флота ботик «Фортуна» на Плещеевом озере, небеспочвенные на то основания имеются у архангелогородцев и жителей Санкт-Петербурга. А мы — не родина, но колыбель, то самое зерно, из которого затем произрос могучий ствол под названием Российский военно-морской флот.

Период пребывания у нас царя Петра уникален. Почти пятнадцать лет Воронеж являлся важным городом во время чрезвычайно бурной деятельности молодого монарха. За это время на воронежских верфях спустили на воду около трехсот судов различного класса — от речных стругов до кораблей, подобных «Гото Предестинации». Общее же число воронежских плавсредств — в десять раз больше.

Именно в нашем городе создано первое в России Адмиралтейство, построены доки и фортификационные сооружения, запущены мануфактуры по производству корабельных деталей и принадлежностей, изданы указы о создании, по сути, оборонной промышленности в Воронеже и Липецке.

Некоторые же нюансы хотя и касались кораблестроения, вместили в себя и другие стороны той весьма беспокойной жизни, поскольку деяния Петра пронизали все сферы русской жизни.

Нюансы неоднозначные, ведь доходило и до следующего. На Руси мужчине невозможно было показаться на людях «скобленным», безбородым. Петр приказал бороды брить. Царя опасались, а Бога — боялись... Корабелы, попадавшие на глаза царю-батюшке на воронежских верфях, указ исполняли, но многие из них свои обрезки не выбрасывали и носили за пазухой. Когда заканчивался рабочий срок этих людей, они разбегались по своим городам и весям, срезанные бороды прятали на дно сундуков, своим же домочадцам внушали: «Как помру, положите бороду со мной, чтобы на Страшном суде я предстал перед Господом пусть с обрезанной, но бородой».

Тонким регулятором сложнейших взаимоотношений царя с народом оказался Митрофан Воронежский. До сих пор идут споры по поводу того, насколько святитель Митрофан был близок Петру I. Среди прочих доводов приводится и такой: прибывший в Воронеж голландец Корнелий де Бруин имя первого воронежского епископа не упоминает. Аргумент натянутый. Встречи святителя с царем при голландце исключались. Кто такой Корнелий де Бруин? Иноземец, художник, путешественник и... резидент. К тому же занедужил епископ — ему не до заезжих латинян. Интереснее знать, что епископ думал о де Бруине, но не наоборот. Если вообще думал о нем.

Святитель Митрофан оказался близок Петру не по случайному совпадению. 25 июня 1682 года на царство венчались братья Иван и Петр Алексеевичи. Митро-

В. Криворучко. Петр I и Митрофан Воронежский

фан, уже назначенный Воронежским епископом, принимал участие в коронации, поднося Державу — знак царской власти, именно Петру. Что это, как не Промысел Божий? Венчание на царство не то чтобы сблизили царя и Митрофана, но Петр уже знал о нем с десятилетнего возраста.

Именно в Воронеже осуществлялся начальный этап выхода к теплым морям — красная нить геополитики русского государства минимум со времен Олега Вещего. Петр рассказывал своим приближенным, как после чтения «Повести временных лет» у него возникло желание отомстить врагам христианства. Мысль эта окрепла в нем, когда во время очередной поездки в Воронеж он обозревал Дон и увидел, что этой рекой можно выйти в Черное море. Постоянные наставления Митрофана бороться против нехристей нашли в мыслях и деяниях Петра I горячую поддержку.

В 1689 году семнадцатилетний Петр спасается от сестры Софьи и стрельцкого бунта в обители Сергия Радонежского. В память о том по указу царя в Высоко-Петровском монастыре строится храм во имя Преподобного Сергия с трапезной. Позже церковь своим обликом повторила храм Троице-Сергиевой лавры с приделами во имя Святителей Алексия Московского и Митрофана Воронежского.

Среди прочих нововведений воронежский епископ обязал не хоронить неопознанные мертвые тела, прежде не выяснив причины их смерти. Уже после кончины Митрофана практика эта велением Петра войдет в «Воинский устав».

Как ни парадоксально, но личность Петра Великого нагляднее проявляется не в солидных научных трудах, не в художественной литературе, но в фольклоре. Да, в народном сознании образ самодержца причудливо преломился. И хотя народ испытал немало лиха, в легендарных сюжетах откристаллизовалось лучшее, перелицованное народом со всего «плохого» на «доброе». В наших краях Петр идеализирован в меньшей степени, что идет в разрез с общим «портретом» царя, написанным беллетристами прошлого.

Только на территории современной Воронежской области сказок и преданий о Петре I зафиксировано около ста. Все они требуют тщательного анализа, ибо даже

простые топонимические сюжеты, связанные с царской деятельностью, при более пристальном изучении вскрывают интереснейшие потаенные мотивы.

У преданий о рождении названий сел Новосильское-Поганец, Конь-Колодезь и не только — ярко выраженная водная тематика с обязательным участием царя. Не важно, что эти села уже существовали лет за девяносто до рождения Петра. В людской памяти так сильно засели корабельные заботы, что Петру I приписывали даже то, чего не было на самом деле. Вот показатель грандиозности происходившего и лишь малая часть огромного психологического пласта, свойственного Петровской эпохе.

Водная тематика, но с более глубоким смыслом просматривается в предании о возникновении названия Богучар. По легенде, во время очередного путешествия Петр пировал с приближенными на берегу реки. Царя захотели отравить, и он прознал о том. Монарх вылил вино из чаши в реку со словами «Богу чару», откуда и произошел топоним Богучар. В восклицании Петра просматриваются элементы вешего царя-жреца, отдание себя на суд Божий. Действительно, Петр Алексеевич мыслил соединить обе власти, духовную и светскую.

Сюжет попытки отравления венценосца довольно распространенный — документы фиксируют многочисленные заговоры против царя. Согласно одному из преданий, переодетый Петр, прогуливаясь по Москве, сошелся с вором. Вдвоем они забрались к некоему боярину, который грозился отравить государя, но тот заставил злодея выпить отраву. И здесь видны способности царя предугадывать события с почти «вещей» точностью.

В дни стрелецкого бунта два стрельца предупредили Петра о готовящемся на него покушении. Этот мотив тоже нашел свое отражение в фольклоре. Сюда же можно отнести рассказ о шведской девице-колдунье, которая держала Петра в темнице, затем отпустила, но свои же боаре решили посадить царя в бочку с гвоздями. Тогда один стрелец лег на постель вместо Петра, спас его, а сам погиб. Стрелецкий заговор, выраженный в фольклоре «наоборот»? А еще на память приходит великий Пушкин и его князь Гвидон, плывущий в бочке по морю.

Обращение Петра к стихиям находим в преданиях, собранных Е.В. Барсовым: «Ай же ты, мать сыра земля, — закричал царь, — не колыбайся! Не смотри на глупо Ладожское озеро!» Затем Петр приказал высечь кнудом озеро. Во времена античности персидский царь Ксеркс сделал то же самое с морем.

Показательны сказки «Царь и солдат в лесу» и «Брат Алеша». Первая присутствует в репертуаре А.Н. Корольковой, «Брата Алешу» рассказывала А.К. Барышникова — знаменитая бабка Куприяниха. В обоих сюжетах присутствует мотив неузнанного царя. К слову, в воронежских преданиях неузнанный Петр — редкость.

В сказке Корольковой больше примет времени. Например, встреча в лесу Петра и сбежавшего солдата. Верно, из-за суровой службы беглые рекруты начала XVIII столетия — явление повальное. Царь стал расспрашивать солдата о причинах побега «и карандашом записывал». На ассамблеях, когда гости напивались и развязывали языки, Петр слушал, кто что говорит, и тоже все записывал.

По действию Петр и солдат наткнулись на разбойничий притон. Разгул разбойников — бич того времени. Борьбу с ними вели, но далеко не всегда успешно, а сами беглые солдаты, бывало, уходили к разбойникам. Финал сказки расхожий — царь слышит, солдат расправляется с разбойниками.

При общей схожести сюжетов в «Брате Алеше» наряду с теми же реальными штрихами эпохи наличествуют древние мотивы. В этой сказке разбойники носят функции Змея о двенадцати головах, то есть олицетворяют зримое и актуальное зло, а расправа с ними аналогична расправе с чудищем в сказке «Бой на Калиновом мосту». Разбойники изображены наивной необузданной силой, что свойственно древним мифологическим существам — титанам. Реальное и сказочное, факты и предания, образовав удивительный сплав, в символике отразили нерв эпохи Петра, его деяний и самой личности государя.

В 1696 году наши предки взяли Азов. Победа важная и неслыханная. За пять лет до этого при схожих условиях признанные «морские волки» англичане не сумели одолеть канадского Квебека, а чуть позже и крепости Сен-Пьер на Мартинике. Варшавский резидент царя А.В. Никитин получает известие о падении Азова и приказывает палить из ружей и пушек, для народа на улицах выставляется пиво и мед: благодарная толпа с энтузиазмом кричит: «Виват царю, Его милости!»

Азовская победа подвигла боярскую думу принять решение: «Флоту быть», и практическое осуществление этой фразы свершалось в Воронеже. В конце сентября уже Москва праздновала первую победу на Азовском море, одержанную только что созданной воронежской флотилией. Первое официально зафиксированное триумфальное шествие растянулось от Симонова монастыря до села Преображенского. Триумф явился воплощением важного психологического момента. Это была не просто демонстрация военной силы, а поистине всенародное осознание своего «Мы» во вселенском масштабе. «Мы русский народ» — мысль эта получает объемное и зримое воплощение.

После взятия Азова Петр возвращается в Москву через Воронеж и просит прислать ему коляску кравчего Нарышкина, «что поставлена на Воронеже у стрельца Сафонки Полунина». Позднее Сафонкина колесница участвовала во многих триумфах. К первому триумфу в столице соорудили специальную арку. Сколочена она была из имитированных «под камень» досок, украшенная фигурами языческих богов и героев — Нептуна, Геркулеса, Марса, что символизировало силу на суше и на море. Рядом приводились изречения из Писания и изображения поверженных врагов. Точно такие изваяния стояли во дворе царского терема в Воронеже. Но что действительно впервые увидели воронежцы, так это фейерверк. По случаю торжества в небе вспыхивали «огненные столпы» и рассыпались на бесчисленные искры.

Вот пример иллюминационной картины, целиком «сотканной» в воздухе: на двух огромных светящихся столбах — по короне, между ними движется горящий Лев. Сначала Лев касается одного столба, и тот падает. Затем другого — столб кренится. Из парившего в вышине горящего Орла вылетает ракета, попадает во Льва и зажигает его. Лев разлетается на куски и исчезает, а наклоненный

Строительство кораблей на Воронежской верфи.
Неизвестный художник XVIII в.

столб с короной встает на место. И столбы с коронами, и Орел со Львом — сплошные символы.

А больше остального наших предков в первом триумфе поразили «оказы». Что это за невидаль такая, заставившая москвичей во время праздника раскрыв рты, ходить от «оказы» к «оказе»?

В Москве у Каменного моста расставили многоярусные картины, которые в стиле аллегорий рассказывали о недавней азовской победе. Чисто внешне «оказы» напоминали иконостас и состояли из символических и повествовательных изображений. Язык символов наши предки знали прекрасно. На нем говорили и умели передавать не только мысли, но и чувства. Люди по-своему, но верно представляли ход событий, а мировоззрение их было объемным и во многом нематериальным. Замешанная на вековых традициях и одобренная новыми задачами «оказа» не являлась картиной либо образом происходившего, но стала очень подробным наглядным рассказом. Это основанный на миг тончайший слепок мышления допетровского времени с переходом на новые, прежде всего, царские замыслы: познакомить людей с преобразованиями, заинтересовать их, сделать происходящее в стране доступным и понятным — вот в чем заключалась внешняя задача «оказ». Потаенная — создать нового человека.

Именно на Воронеже эта задача начала претворяться в жизнь. Хорошо ли, плохо — трудно сказать. Дерзновенная попытка создать нового человека — от одной мысли дух захватывает. И волей-неволей закрадывается мысль: а надо ли? Но царь отбрасывает сомнения прочь, в том ему усердно помогает мастер Мишка Чоглоков. Из послужного списка Чоглокова видно, что он «в Воронеже не был и не послан», зато приезжал его учитель и напарник Салтанов, стоявший у истоков задумки триумфа как действия, в нашем же городе он — в группе архитекторов здания цейхгауза.

Одно из самых распространенных символов в «оказах» — «Время». Сказать легко, а как изобразить такое понятие? Просто Часы — они и есть часы, это не совсем то. Кстати, одни из первых общественных часов появились в Воронеже — при входе на Адмиралтейский двор они красовались прямо над главными воротами. И соединилось, казалось бы, несоединимое: традиционные атрибуты римских триумфов в затейливой вязи переплелись с символами православными. Настоящие «агитки»! Народ стоял, глазел, впитывал.

Некоторые же элементы в триумфальных шествиях носили характер насмешки. Например, носилки с постелью раненого в ногу Карла XII, кои он бросил, спасаясь бегством из-под Полтавы. Посредством смеха, грубой шутки царь пытался оживить ту же идею — рождение нового человека.

Приснопамятные разгульные Всешутейшие соборы отнюдь не являются проявлениями необузданного нрава монарха, и только. Это средство борьбы. С кем или чем? Да с той же Русью ветхозаветной. Всепьянейшие соборы не ставили перед собой задачи дискредитировать церковь, хотя и пытались поставить власть светскую выше духовной. Насмешкой предполагалось бомбардировать, взорвать и разрушить вековые устои. В шутейных соборах отразилась «изнанка» триумфов при общей канве демонстрации, плакатности, всеобщности. Героическое и ерническое соседствовало, не стесняясь друг друга.

В Преображенском дворце, обставленном далеко не в прежней традиции, меж окон, зарешеченных еще старой хитроумной вязью, поместили миниатюрные модели кораблей, и это навело молодого царя на мысль о создании в Воронеже модель-камеры — хранилища моделей и чертежей *всех* созданных в России кораблей. Минует совсем немного времени и Воронежская модель-камера, это своеобразное КБ, станет предтечей Русского военно-морского музея.

Вперемежку с моделями на стенах дворца висели различные портреты. Назывались они двусмысленно: «бояре висячие». Конечно, это не абсолютно новое явление на Руси, с портретами-«парсунами» — от слова «персона», наши предки уже были знакомы. Однако именно при Петре они стали внедряться в быт русского народа.

Петра I привлекала возможность изображения живого человеческого лица и те же «бояре висячие» наглядно демонстрировали очередное царское стремление. Впере-мешку с моделями кораблей портреты миниатюрно, но ярко иллюстрировали изменения в российском обществе. И вносили очередной штрих в портрет и образ человека, круто развернувшего Русь, — царя Петра Алексеевича Романова.